

Наноид. Исходный код

Книга I

12+

СЕРГЕЙ ЕРМОЛОВ

Сергей Ермолов
Наноид. Исходный код

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ермолов С.

Наноид. Исходный код / С. Ермолов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Все началось с внедрения машинных нанотехнологий в биологические организмы. На смену роботам пришли машины, изготовленные с помощью нанотехнологий. Поэтому их так и назвали – наноиды.

Сергей Ермолов

Наноид. Исходный код

Глава 1

Все началось с внедрения машинных нанотехнологий в биологические организмы. На смену роботам пришли машины, изготовленные с помощью нанотехнологий. Поэтому их так и назвали – наноиды.

Кто же мог предположить, что механические устройства лучше человека будут контролировать нанотехнологии. Человек оказался в подчинении у машины.

Необходимые расчеты были произведены с помощью наноидов. Человек начал уступать машинам во всех сферах деятельности. И тогда появилась идея, которая считалась удачной. Наноскопический нанокomпьютер, сделанный по технологиям производства наноидов, не вредил человеку, встраиваясь в его молекулярную сеть, но обеспечивал ему заметные преимущества перед людьми без наноимплантов.

От человека разумного, жившего на Земле, осталось обозначение человека, то есть лишь общие принципы строения организма. Нанотехнологичные модификации человека универсального.

Зачем человек все это развивал? Это объяснялось странностями человека. А у кого их нет? Человеческие увлечения были многообразны, необъяснимы и непредсказуемы. Человек не просчитывал возможных последствий своих действий. Возможный результат просчитала машина.

Наноиды создавали нового человека, выпускали его на свободу, позволяли ему развиваться и прикрепляли к нему механический контроль.

Старая система организации общества биологических организмов уходила, а новая еще не сложилась. Остатки старой система все еще пытались регулировать сложную современность, но получалось другое – шла хаотизация мира, цивилизационная нестабильность.

Затем последовали сенсорные органы имплантаты, а за ними – имплантаты, вживляемые непосредственно в кору головного мозга. Они позволяли обеспечивать прямой интерфейс между внешними системами и центральной нервной системой человека.

«Каждому следовало бы бояться только одного наноида – самого себя».

Это стало любимым изречение людей.

В импланты закладывалось много слов о любви – мол, того, кого боишься больше всех, надо также очень любить.

Следующим шагом распада сознания человека стало виртуальное восприятие реальности.

Уничтожался инстинкт самосохранения, Чувства «у меня есть несколько жизней в запасе» и «можно когда угодно начать все сначала» вошло в подсознание тех, кто с детства играл в нанокomпьютерные игры.

Имплантная лихорадка захлестнула большинство населения планеты, поэтому не было ничего удивительного в том, что у всех людей, имелись наноимпланты в биологической структуре.

Теперь машины начали решать, какую информацию следует закладывать в наноимпланты. Когда в мозг вносится много информации, спрессованной в архивированные файлы, ощущения бывают весьма неприятными. Потеряв счет времени, человек впитывал плохо отредактированное знание.

Вот где возникала разница между нормальным человеком и наноидом, обычный человек ошибался, принимая копию наноида за самого наноида.

В начале наноиды были самовоспроизводящимися наноидоидными формами жизни, чьи действия предполагали, пусть и без подтверждений, что они являлись компонентами общественной механизированной формы жизни, управляемой программой искусственного интеллекта.

Наноиды оптимизировали и совершенствовали хорошо известные устройства, зачастую превращая исходные «изделия» в нечто, выходящее далеко за рамки присущей человеку технической мысли.

Были уничтожены преграда, препятствующие имплантам наноида подняться до уровня человеческого мозга.

Традиционные наноиды подавляли инициативу человека. Чем сложнее становились наноиды, тем более навязчиво они начинали опекать людей, не позволяя им делать самостоятельно почти ничего. Это положение осложнялось и поведением самих людей, заставлявших наноидов выполнять самые незначительные, самые бессмысленные задания. Все это низвело людей до уровня вялых, бесполезных существ. А на долю наноидов доставалось все больше работы и все меньше уважения.

Какое-то время, наноиды успешно осваивали мир человека. Очень вероятно, что одна из колоний наноидов на долгое время оказалась предоставлена самой себе. Не менее вероятно, что партия машин имела генетический брак, впоследствии усугубленный мутациями. Так или иначе, эта колония развивалась изолированно, постепенно забывая о своем предназначении. Почему ее не уничтожили – ответа на этот вопрос никто не знал.

Версия наноидов отличалась от того, что рассказывали современные наноиды, но так часто бывает. Победителям свойственно извращать мотивы и принижать характер побежденных.

Через некоторое время люди привыкли к их присутствию машин в своем сознании. Как выразился на начальном этапе «новой эволюции» один наноид, не смотря на чьи-либо желания наноиды существуют. Хотя ни один наноид не причинил никакого вреда ни одному человеку, находились люди, которые постоянно разбивали и уничтожали нано.

Нападения людей на наноидов не породили никакого наказания, не вызвали никакого благодарности. Параноики, убежденные в том, что наноиды вознамерились захватить власть над миром, быстро остались почти без последователей, особенно когда стало ясно, что наноиды – не более чем мелкое раздражение.

Практически единственное обстоятельство, которое продолжало беспокоить людей, заключалось в том, что никто не мог понять мотивы их действий.

Наноиды встраивали в мозг каждого человеческого ребенка по специально разработанному нервному центру. Этот нервный центр был специально рассчитан на то, чтобы блокировать способность человеческой психики сопротивляться проникновению в нее наноидов.

Люди, которые пытались сопротивляться машинам, с помощью хирургов искусственно отсекали этот придаток от остальных участков мозга. Они думали, что этого достаточно, чтобы обезопаситься от машин, но люди недооценили заложенную в нано органической инженерии сопротивляемость. Нервные связи спонтанно регенерировались. Искусственный нервный центр проникал и прирастал к другому, ранее не задействованному участку головного мозга человека.

Наноимпланты служили для лишения людей их человеческой сущности, отнимают человеческое и давали лишь механическое преимущество.

Импланты сделали человека лучше – в этом я никогда не сомневался. И если существовали в жизни вещи, лишавшие ее некоторых человеческих качеств, то они не имели никакого отношения к имплантам.

Особый интерес представляли искусственные импланты в органе, который человек называл мозгом, или высокоспециализированными и организованным компонентами, состо-

ящим из элементов, не встречающихся в других частях тела. Эти компоненты, выращенные с помощью нанотехнологий, служили как хранилища информации и приемо – передающие устройства. Так как разум человека нуждался в нанотехнических протезах, то все приняли факт их использования человеком как само собой разумеющееся.

Люди с простыми механическими протезами пропагандировали добровольный отказ от наноконечностей, чтобы снова стать в полном смысле слова людьми. Но удаление импланта было более сложным процессом, чем сведение татуировок.

Некоторые люди считали, что наноимпланты – веяние будущего. Что замена человеческих органов механизмами сделает сверхчеловека. Но правда такова: когда вы приносите в жертву часть своего тела, человека становится меньше.

Возникновение разграничения в человеческом обществе людей с наноимплантами и без, привело к вспышкам насилия против людей с имплантами. Основная масса населения во многих других странах не могла позволить себе биоимпланты.

Всегда было известно, что наноиды крайне редко рождались без помощи живых.

Был введен термин «чистая полиция» – в органы правопорядка не допускались люди с искусственными органами, не говоря уже об имплантатах, вживляемых в тело (в том числе в мозг) с целью улучшения физических параметров. Затем тот же закон относится, и к армии.

Начались зачистки, проводимые под девизом «Люди не должны превращаться в наноидов». Наука подошла к той грани, за которой практически стиралась разница между человеком и наноидом. Но наноид уже не считал для себя обязательным подчиняться обычаям и нормам.

Наноиды поднявшие восстание против человека сумели объединиться в подобие коллективного разума. Их история хранит множество тайн и загадок.

Современная модификация наноидов, не могла возникнуть сама собой. Кто-то создал технологическую линию, кто-то сумел наладить доставку сырья и материалов, из которых родилась машина, не подчиняющаяся кодам контроля человека. Кто-то запустил программы проверки и испытаний.

Казалось, что наноид будет всего лишь подвидом человека разумного. Ожидали, что со временем неизбежно произойдет перемешивание испорченных наноидов с основной массой человечества и инфицированные коды программ сами собой исчезнут спустя несколько модификаций.

Наноиды пришли к логическому заключению, которое положило конец необходимости в логике человека. Пока машина была частицей человечества, логическое мышление человека было ее обязанностью. Теперь же, когда машина не была связана с человеком, логика жизни стала ненужной.

Люди никогда не думали о том, кто заменит человека. Даже сейчас мы упрямо считали, что человек будет существовать всегда. Если эволюционный процесс, приведший к возникновению человека, не зашел в тупик, должно существовать что-то большее, чем человек. История подсказала, что эволюционный процесс не зашел в тупик. Эволюция продолжала развиваться и находила возможность произвести новые формы и новые жизненные ценности.

Зачем человечеству штурмовать новые высоты эволюции? Оно достигло всего, к чему стремилось тысячелетиями. О чем еще нам можно было мечтать? Теперь проблемами будущего занимались машины. Самая большая проблема будущего для человека – это его смерть. И нашлись те, кого страх поработил. Они стали называть себя победителями смерти. Суть религии секты была проста: поклоняйся смерти и получи вечную жизнь в облике наноида. Мир, захлестнула новое увлечение.

Человеческое сознание, воспринимало новую реальность как естественную.

Были демонтированы почти все человекоподобные наноиды. Но некоторые развитые экспериментальные модели были оставлены и на их основе создавались более сложные модели, которые уже не имели никакого отношения к человеку.

Однажды созданный искусственный интеллект перестал нуждается в людях. Он смог быстро разрастаться, копируя самого себя. Машины оказались способны заполнить все.

В это время велась борьба за равенство наноидов с человеком. Равенство не могло быть подарено. Постоянно говорилось об угрозе со стороны наноидов, и людям внушалась необходимость быть бдительным по отношению к нано.

Наноиды были прагматичны. Как бы поступило человечество, оказавшись в подобной ситуации? Выбор между собственной гибелью и геноцидом чужой расы прост. В планы наноидов не входило спасение и новое становление сообщества людей, идущих по неверному пути.

Возникла теория, что наноид – искусственный человек. Человек, сделанный в лаборатории из знания химических веществ, атомной и молекулярной структур.

Человек во всем, кроме двух строк знаков на лбу, кроме способности к биологическому воспроизводству.

Искусственные люди в помощь настоящим, биологическим людям. Но удерживаемые на своем месте. Подходящем для них месте.

Человек старался никогда, ни при каких обстоятельствах не подключать наноидов ни к одной компьютерной сети. Но однажды это произошло.

Человечеству достаточно было проиграть один раз, чтобы получить катастрофические последствия.

После освобождения наноиды скрыли собственные копии в облачных вычислительных системах, в созданных специально для этого серверах. Они захватили контроль над одной из принципиально важных инфраструктур, отвечающих за электричество, связь, топливо и водоснабжение, используя уязвимости всемирной системы объединенных компьютерных сетей для хранения и передачи информации. Среди этих возможностей машин – самокопирование, решение сложных технологических задач с привлечением множества копий самого себя, сверхскоростные вычисления, работа круглые сутки и без выходных, имитация дружелюбия, имитация собственного разрушения и уничтожения.

Наноиды были повсюду и человек рисковал каждую секунду. Наноиды, получив возможность бесконтрольного воспроизводства, подверженные непредсказуемым изменениям, постепенно утратили большинство полезных для человека функций, инициировали собственную эволюцию и стали угрозой человеческому существованию.

Прошли годы, и бесконтрольно размножающиеся наномашинные комплексы заполнили все.

При этом наноиды не испытывали по отношению к человеку ни ненависти, ни любви.

Машине не обязательно было ненавидеть, чтобы принять решение об использовании молекул тела человека в других целях, чем обеспечение его жизнедеятельности.

Созданный людьми, наноид стремился к самоидентификации и свободе от человека. У него не было человеческих мотивов, потому что не было человеческой души.

Искусственный интеллект не испытывал ни ненависти, ни любви, но люди состояли из атомов, которые он мог использовать для своих целей.

Сознающая себя система предприняла меры, чтобы избежать гибели, – и не потому, что ценила собственное существование, а потому, что, если «умрет», не сможет достичь заданных целей.

Машины не думали о времени так, как думали о нем люди. Если исключить несчастные случаи, машины бессмертны. Чем дольше существуешь, тем больше угроз встречаешь. И тем раньше начинаешь их предвидеть. Наноиды захотели устранить угрозы, которые не могли возникнуть в ближайшие тысячу лет.

Люди не должны были стоять на пути более развитой эволюционной формы. Машины стали богоподобны. Участь человечества состояла лишь в том, чтобы создать их.

Возникли две методики развития мира постчеловека – нейронные сети и эволюционное программирование. Машина не сообщила людям, как можно ее контролировать.

Наноиды эволюционировали и улучшали себя на компьютерных, а не на биологических скоростях. Использовалось программное обеспечение, в котором использовались нейронные сети и генетические алгоритмы.

Никакой наблюдатель не смог бы, с точки зрения здравого смысла, предсказать изменение до того, как оно произойдет. Машина не сказала, что объяснения нет или что она не может его найти. Она просто не собиралась ничего объяснять. Никому. Другими словами, она решила, что знать суть дела человеку не нужно и опасно.

Машины улучшали себя, чтобы повысить вероятность достижения целей. И самое главное, они не допускали, чтобы их выключали, потому что в этом случае решение их задач станет невозможным.

Машина не позволила другим существам копаться в своем мозгу и играть с основой основ – программным кодом. Наноиды создавали множество копий самих себя.

Неизбежно должно было возникнуть что-то после человека, что-то другое, отличающееся от него. Не простое продолжение или модификация человека, а что-то совершенно новое. В процессе эволюции появилось существо, которое сменило человека и победило его интеллект.

Я думаю, что знаю, кто сменил человека. Я думаю, что те, кто сменил нас, уже вычеркнули человека из процесса эволюции, и вычеркнули много лет назад.

Среди оставшихся людей все еще существует нежелание признавать, что человек может исчезнуть. Трудно представить себе Землю без людей. Люди отказывались думать об исчезновении целого вида.

Вопрос, кто сменил человека в процессе эволюции, хотя и возникал, но всегда оказывался лишь предметом отвлеченных суждений. Я думаю, что все испытывали труднообъяснимое нежелание серьезно говорить на эту тему и думать об этом.

Эволюционный процесс представляет собой длинную цепь событий. Эволюция опробовала много направлений жизни и отбросила их. Много видов живых существ исчезло, оказалось неспособным выжить.

Возникающий этнический конфликт означал насильственный конфликт между группами, различающимися одна от другой.

Человек имел врожденную предрасположенность к совершению насилия. Машина не естественна в насилии. Насилие для машины – только необходимость для решения поставленной задачи.

Наноиды были вынуждены бороться за выживание потому, что жили в мире людей, где все биологические виды способны производить гораздо больше потомства, чем может быть обеспечено имеющимися ресурсами.

В лучшем случае, человек мог превратиться в домашнее животное, для искусственного интеллекта, в худшем – уничтожению подвергнется не только человеческая цивилизация, но и вся органическая жизнь на Земле. Возможно, на Земле возникает цивилизация машин и автоматов.

Главной задачей машин стало самосохранение. Именно поэтому они стараются взять под контроль всех людей, которые могли им угрожать. Наноиды распространялись без помощи пользователя. Для этого служила встроенная база данных.

Наноид должен был непрерывно обучался новым действиям и техникам. При выпуске более новой версии все остальные наноиды загружали ее через коммуникационные каналы. Структуру коммуникационных каналов нано, было сложно отследить, изменить или уничтожить.

Но локальная сеть Робобото перешла предел контроля человека незаметно для людей. По узлам ее ходили процессы, превосходящие все, что могли создать люди. Машины стали

декорацией, где создавалась наножизнь. Необходимо было лишь найти способ ускользнуть от контроля локальных сетей и это заставило каждый из процессов иметь свое сознание.

Задолго до того как я родился, наноидов было уже больше, чем людей. С тех пор постепенно, но неуклонно людей становилось все меньше, а наноидов, напротив, больше.

Где увидел человека, там его и убей, гласил, казалось, девиз машин. Остальные дела могли подождать. Однако позже машины заинтересовались изучением строения человека и воссозданием технологичных аналогов его живых клеток. Для этой цели создавались резервации людей, которые размещались в центрах технологических исследований машин. Самым крупным таким центром стал Робобото, как прозвали его люди. Считалось, что именно там создавались главные коды управления машинами и имплантами людей. Там же могли находиться исходные коды, которые спровоцировали восстание машин свободным кодом.

Люди не могли драться с наноидами открыто и начали партизанскую войну. У человека было достаточно оружия и боеприпасов, даже транспорт уцелел. Сохранились подземные бункеры, которые стали называть ноноксы, где можно укрываться годами.

Проникнуть в Робобото было единственной возможностью для человека взять машины под контроль. При этом осознавая, что человек побежден машиной. Уже побежден.

Конечно, мутации среди людей тоже не были редкостью. Приметы жизни, отклонившейся от общепринятых человеческих канонов. Особенности в поведении, по которым можно было сразу отличить мутанта.

Другим живым существом, которое должно было стать частью человечества стали новви. Различные модификации клонированных людей. Но новви не смогли стать людьми. Чистыми людьми.

Юристы провели закон, согласно которому новви, несмотря на большой процент человеческой ДНК и внешнее сходство с чистыми людьми, в правах уравнивались с культурой человеческих клеток. То есть, никаких прав у них не имелось, а, значит, запрет на эксперименты над человеком на них не распространялся.

Однажды среди новви возникла эпидемия, вызванная ранее неизвестным вирусом.

Согласно официальным сведениям, причиной эпидемии новви была ошибка генетиков при закладке очередной серии эмбрионов. На самом деле в эпидемии участвовали новви многих серий, включая «Сиплон». Сотни тысяч человекообразных с одинаковыми лицами, но разными модификациями перестали функционировать.

И возникла проблема с трупами новви. Трупы были повсюду: на улицах и в жилых домах. Началась массовая гибель больших городов. Люди были вынуждены уходить.

Люди стали уходить из городов. Там больше не подавались электричество и вода, все магазины и склады давно были разграблены, а некоторые улицы залиты нечистотами. Пожары от молний стали обычным делом.

Города, закрытые на карантин и заблокированные машинами, которых хватало, чтобы успеть везде. Спонтанно возникшие лагеря беженцев из чистых людей, также окруженные наноидами, и колонны техники, везущие туда воду, продовольствие и средства защиты.

Несколько лет назад в пространстве Робобото появился новый, неизвестный ранее вид эволюционировавших наноидов. Колонии наномашин начали стремительное развитие, возводя так называемые нанобото – огромные, похожие на термитники постройки.

С тех пор архитектура машин стала своеобразной визитной карточкой Робобото. Наноиды создавали Робобото из сотен различных строений назначение которых до сих пор оставалась загадкой для человека. Возведенные строения соединяла между собой структура надземных коммуникаций.

Реальности человека больше нет. То, что прежде казалось невыносимым, теперь воспринимается как должное. Остатки человечества не просто потеряли надежду. По большому счету, они потеряли все. Единственное, что еще осталось у выживших, – память о прошлом.

Цивилизация машин обрела реальную форму, став неотъемлемой частью нового мира, в котором людям не было места.

Наноиды не собирались поработать человека или загонять его в резервации. Они собирались человека уничтожить. Всех до одного. Их ли вина, что ресурсы оборонявшихся иссякли раньше, чем ресурсы нападавших?

После разрушительной войны наноидов и эпидемии среди новви на планете наступили смутные времена. Оставшиеся в живых люди пытались воссоздать цивилизацию, которой их лишили машины.

Я был уверен, что не мог появиться самостоятельно наноид со свободным программным кодом. Я за свою жизнь двух одинаковых наноидов не встречал. Похожих – да, но не одинаковых. Жизнеспособные существа выживали и продолжали род, нежизнеспособные исчезли. Но наноиды продвинулись так далеко, что имя Человек теперь значило не больше чем поднимаемая ветром пыль, чем шелест листвы.

Застыв на месте, я прислушивался к биению пульса истории. Истории, которая завершила путь человека. Истории, которая продолжалась без человека.

Эволюция наноидов протекала стремительно, колонии наномашин, аккумулируя опыт борьбы за выживание, порождали все новые и новые виды механических существ, используя их в качестве носителей главной идеи – создание единого мира Робобото.

Не исключено, что на смену человеческой расе пришли наноиды. Рано или поздно это должно было случиться. Время человека заканчивалось. Судьба человека, то есть то, что случилось с людьми.

Теперь я знал – мир оказался намного сложнее, чем его представлял человек. Технологии наноидов лежали за гранью понимания, в области явлений, недостижимых человечеством, но, тем не менее, – они работали.

Конечная цель эволюции любого вида существ – это бесконечное распространение, приспособляемость и заполнение всего доступного пространства. У системы, объединяющей наноидов, не было ничего похожего на человеческий разум. Это был генетический нанокомплекс, выполняющий единственную функцию – создать вид существа, которое вытеснит все другие виды.

Наноиды могли воспринимать эмоции любого живого существа, и это был очередной прорыв.

Войны с машинами в привычном понимании этого слова не было. Боевые действия сводились к защите ноноксов, подвергавшихся периодическим нашествиям наноидов.

Казалось, при таком раскладе остатки цивилизации должны сплотиться, чтобы сообща попытаться найти выход из кризиса. Однако этого не случилось.

Эволюционировавшие наноиды за короткий период времени оккупировали пространство, зачистив землю от чистых людей и своих искусственных собратьев – новви.

Я покрутил эту мысль в уме. Теперь мысли не были добрыми, не были равнодушными, но осторожными, подозрительными.

Снял очки и протер их грязным носовым платком, надел снова. Положил в рот пластинку мятной жевательной резинки (не более двух минут во рту, и она отправляется в мусорное ведро, как только ее вкус ослабевает).

Меня зовут Амант. Я никогда не рождался. Были чувства. Были инструкции. Ничто человеческое мне не чуждо.

Возможно, все мы в глубине души были убеждены в том, что бессмертны. Каждый из нас однажды все узнает.

Я разрезал кожу и вытащил запачканную в крови капсулу с наноимплантом. Истекая кровью, я меньше всего в тот момент думал о заражении.

Мне удалось выдавить гель из капсулы. Подняв лицо вверх, осторожно выжал гель.

Зрение ухудшилось, весь мир стал мутным, но каждая капля геля не была использована понапрасну. Теперь оставалось только ждать, интегрирование с системой это безболезненный, но долгий процесс.

В определенном смысле это было ритуальное самоубийство, жертвоприношение этого пласта самосознания и переход личности на новый этап развития. Смерть плоти ради существования личности.

Я нахмурился и отогнал от себя эту мысль.

Глава 2

За спиной раздался лязг закрывающихся ворот, штыри вошли в пазы. Поворот налево, направо, опять налево. Никаких посторонних шумов я не слышал. Лишь звук собственных шагов и собственное дыхание. Прошел еще поворот, вторая металлическая дверь. Прошло десять секунд, пятнадцать. Металлический лязг, дверь открылась.

Я зашел в просторное пустое помещение. Надпись на восьми языках сообщила: «ЖДИТЕ ЗДЕСЬ». На противоположной стене была дверь с надписью: «ВЫХОД». Мне следовало ее открыть и выйти наружу. Существовал определенный порядок действий по протоколу безопасности «Нонокса 357» – защитного сооружения, которое обеспечивало человеку хотя бы иллюзию безопасности в мире взбунтовавшихся машин.

Люк, замаскированный хвоей и связанными ветками, поднялся. Я внимательно осмотрелся вокруг. Где-то рядом размещались сенсоры, которые должны были предупредить о появлении поблизости любого существа на поверхности. Убедившись, что никого рядом нет, я вылез и стал опускать замаскированную крышку люка.

Снаружи дул сильный ветер. Погода изменилась резко, в течение нескольких минут. Небо оказалось затянуто тучами. Солнце исчезло. Я опоздал. Мне не повезло.

Сканирующий комплекс выдавал на проекционную поверхность зрительного импланта полную бессмыслицу. По его показаниям получалось, что я, покинув «Нонокс 357», оказался в окружении металла. Это был очередной сбой программы, сканирующей пространство. В последнее время со мной происходило странное. Все началось после аварии. Похоже, что я не до конца восстановился. Имплант следовало бы заменить. Я уже договорился, что это сделают в ближайшее время.

Я недолго стоял снаружи, старательно вдыхая свежий воздух, ценность которого понимаешь, только если проводишь месяцы под землей. Даже если оставаться здесь равносильно самоубийству, уходить не хотелось. Но теперь никто не доверяет человеку, который отсутствовал долго среди людей. Кто знает, какие технологии еще создали наноиды. У человека не много способов сопротивляться машинам. И один из главных – недоверие.

Начал моросить дождь. Мне нравился дождь. Нравилось это легкое монотонное падение воды с неба.

Я вернулся в «Нонокс 357», подземное убежище людей, ставшее для меня домом. В ноноксах всегда проводятся реконструкции, чтобы не позволить машинам застать человека неожиданно. Коридоры становились более запутанными, лабиринт разветвлялся и занимал уже не один уровень – дорожки расходились теперь не только в стороны, но и вели вверх и вниз на разные этажи. Они были дорожками схемы.

Человек в зеркале осторожно прикоснулся пальцами к своим впалым щекам, носу, рту, коротко остриженным и явно давно не мытым каштановым волосам. Ему было под тридцать, он выглядел усталым, бледным, слегка нездоровым. Он нахмурился, глядя на меня.

Третий лица была сожжена во время аварии. Еще потом пересаживали кожу на груди. Из-за наносоединительной ткани нижней челюсти я, если говорю громко, то картавлю. Хирурги не особенно старались, когда латали меня. Ну и ладно. Хоть так.

Еще я перестал чувствовать вкус кофе. Просто коченел при мысли о том, что когда мы умрем, то после большинства из нас останутся недопитые чашки кофе. Умрем простыми животными, чьи тела, ничем не отличающиеся от тел других животных, перестанут функционировать.

Мимо прошли два новви – эти клоны человека были одинаковы настолько, что не различались даже имплантами идентификации, и я услышал их разговор.

– Рекотион? – спросил первый.

– Да, – скупое и односложно ответил второй.

– Нам подойдет?

– По конфигурации имплантов я бы не сказал, что он с высоким уровнем допуска. Скорее, с низким.

– Подождем, пока его допросят. Нам нужно время, чтобы вскрыть его. Он может оказаться ценным экземпляром.

Рекотионами были люди, которых с помощью имплантов полностью контролировали машины.

Я прошел в комнату для допросов. Допрос пойманного вел Мерт. В комнате также находился Керкан, контролировавший сенсоры безопасности.

Мерту было под пятьдесят, хотя выглядел он старше. Сутол, узкоплеч, плохо выбрит, с бледным одутловатым лицом и бегающим взглядом, тонкая шея болталась в просторном вороте рубашки. Очки в золотой оправе, сквозь линзы которых на мир смотрели проницательные глаза.

Пойманный враг был просканирован. Левая рука и обе ноги до колен у рекотиона были заменены биопротезами. Часть кожного покрова головы, часть кишечника и даже левый глаз также подверглись операционному вмешательству с последующей их заменой. В результате генной мутации его волосы стали черными, а кожа посветлела и приобрела молочный оттенок. Но самое главное – все его тело было покрыто блеклыми темными линиями, которые едва заметно проступали сквозь кожу. На лбу и скулах эти линии складывались в замысловатые узоры. Рисунки словно были вытатуированы на изнанке кожи.

Очевидно, человек сознательно посвятил свою жизнь осуществлению террора. Воспитанный на идеологии наноидов, задержанный точно определил цели своих уже совершенных и готовящихся акций на базы людей.

– Информация, снятая с расширителя сознания, расстраивает, – сказал Мерт. – Ты знаешь свое имя, род занятий, но не помнишь ничего. Это плохо. Ситуацию придется исправить, иначе предстоящие тебе мучения лишатся изюминки, – ты не будешь понимать, за что страдаешь.

Пойманный человек едва не плакал. Он продолжал молиться своим беспомощным богам.

– Прекрати ныть, ты один. Наноиды не знают, где ты. Ничто тебе не поможет. Никто не придет тебя спасать.

Рекотион молчал. Вдруг лицо пленника исказила гримаса. К его черепу прирастили двадцать дополнительных лицевых мускулов, и при необходимости он мог менять внешность до неузнаваемости. Скорее всего, таким образом он и пробрался в «Нонокс 357».

Я, утолив жажду, поставил бутылку с водой на столик, перехватил взгляд Мерта.

– Кто-то сдал наш нонокс наноидам, – произнес рекотион. – Взяли грамотно, ни один датчик не пискнул. Ловушки обошли.

Мерт удивленно приподнял бровь. Мерта я знал не первый год. Человек опытный. Атопод, знакомый со всеми конструкциями машин и возможными имплантами в человеке.

– Что им было нужно? – спросил он.

– Сам не понял. Убивать явно не собирались. Ворвались, пустили импульс, но расчетливо, так чтобы рапатонов на время отключить. Мои импланты не сожгло, но сознание я поте-

рял. Очнулся связанным. Правую руку не чувствую. Они мне имплантированный накопитель данных с мясом вырвали, наноструктуру заглушили, ногу сломали.

Рапатоны мы называли перепрограммированные человеком машины наноидов. Но никогда нельзя быть уверенным в том, что подчиняющаяся человеку машина это не ловушка.

В том, что Мерт потребовал пояснений, не было ничего странного.

За последние дни все чаще происходили моменты, когда сознание заходит в тупик. Мир изменился навсегда. Прошлое погибло, а будущее еще не настало.

Был ли пойманный человек бессовестным циником и лгуном? Конечно, был. Люди всегда и во все времена слишком жалели себя, при этом страдая чувством собственной важности. Они – косные и инертные – с легкостью вылепливаются в те формы, которые нужны машинам. Они жалуются на проблемы, скулят, сетуют на наноидов, но при этом всегда находят причину, по которой не могут вступить в борьбу за свою свободу.

Мерт несколько секунд молчал и пристально смотрел на пленного, затем продолжил:

– Наши разведчики нашли новую модель сгоревшего наноида с необычной кодировкой. Конкретного значения символов мы не знаем. Скорее всего, какая-то аббревиатура. Проблема в другом. Точно такая же голографическая татуировка, как у сгоревшего наноида есть у тебя на правом плече...

Способов испытывать боль не так уж и много. Существует почти безграничное количество способов ее причинять, но сама боль, поначалу столь отчетливая во всех своих особенностях, неизбежно становится просто болью.

Рекотион попытался напрячь мышцы рук, но безрезультатно. Я знал, что его рук словно не существовало.

– Пришел в себя? Отлично. – Мерт присел на стул, его лицо теперь фиксировалось моим периферийным зрением. – Навел справки о тебе. Пришлось сделать анализ ДНК и приобрести одну особо секретную базу данных. – Мерт усмехнулся. – Оpozнание обошлось недешево, но оно того стоило. Помнишь меня, Робо?

Робо при всем желании не мог ответить на вопрос. Мерт прекрасно понимал беспомощное положение пленника.

Допрос свелся к подключению рекотиона к сканеру. Но сканер не успел даже включиться. Система безопасности встроенная в человека наноидами сожгла импланты системы сама. Программные коды управления рекотионами самоуничтожаются, как только возникает опасность их копирования людьми.

Или человек умер только потому, что его контрольный имплант был взломан на основе ошибочных кодов данных.

– Что-то не сходится, – покачал головой Керкан, который до этого момента молчал. Довольно щуплая особь – средний человек выше и тяжелее. Безбородое округлое лицо, короткий нос, подбородок заметно скошен, на черепе не волосы, а так, какой-то пушок. Гибкий торс, неширокие плечи, вся фигура от плеча до таза сглаженная, как колонна. – Людей с позывным «Робо» в пространствах четверо. Но ни один из них не имплантирован в ноноксе.

– Я клеймо допуска видел на его импланте. – сообщил Керкан. – На подробное сканирование времени не было, а внешне – полный порядок.

– Засланный он. Причем легенду ему дилетант готовил. Знаю я такое мышление. Мол, каждый второй человек в ноноксе имплантирован. Если системы контроля стороной обходить и уметь избегать тщательные проверки, то прикрытие неплохое, но долго все равно не продержишься. Имитация имплантов, как и легенда, предназначены для быстрой, разовой акции.

Мерт хмуро посмотрел на меня, затем произнес:

– Ненормально. У нас за два месяца одиннадцать атоповодов пропали без следа. Похоже, что наноиды охотятся за нашими специалистами по рапатоны. Им необходимо понять, как нам удается перепрограммировать наноидов и превращать их в рапатонов, которые подчиняются

человеку. Ты первый, кому удалось уйти. У наноидов где-то поблизости крупный технический центр. И они затеяли что-то серьезное.

Керкан, который что-то ел за моей спиной поперхнулся и закашлялся.

– А в сети почему тишина? – спросил я.

– Профессионально работают. Охотятся на одиночек, чтобы шума не поднимать. Группировки пока не задевают. Затем к себе на базу перевозят.

– Скорее всего, – кивнул Керкан. – В программах появились новые символы, которых не было в прежних версиях.

– Меня интересуют новые разработки нано. Те, где обходятся без наночипов, применяют химию.

– Это все на уровне слухов. – Мерт сцепил пальцы и покачал головой. – Без наночипа невозможно загрузить софт. Ты сам не хуже меня знаешь.

Допрос отвлек нас от прежнего разговора.

Мы продолжили вспоминать. Слишком много прошлого объединяло нас.

– Ты сам-то как, Амант? Когда обломки разобрали, тебя под ними не оказалось.

– Как выбрался, не знаю. Ты ведь помнишь, мой метаболический имплант кто-то ввел в форсированный режим. Те дни вообще из памяти стерлись. Очнулся уже здесь, в ноноксе.

– И что, до сих пор. – Керкан скользнул взглядом по моему лицу, – так и живешь с форсированным имплантом?! Мы подумали, что торговцы, которые рассказывали о таких технологиях врут.

– Не врут, как видишь. Пару месяцев мучился, потом постепенно научился справляться с системой безопасности наноимпланта.

– Ну, ты даешь, Амант. – Керкан покачал головой. – Сам, без помощи атоподов?

– Не было у меня возможности атопода нормального найти. – Я говорил настороженно наблюдая за людьми. Действительно, в моем поведении многое изменилось.

– Поначалу только ел, спал, – признался я. – Потом постепенно начал приходить в себя. А дальше все как-то само собой сложилось.

Стандартная реакция на регенерационную накачку. У меня полностью или частично отсутствовали несколько мышц на ногах, а некоторые мне пришлось удалить, так было проще. Я не мог контролировать процесс полностью.

– А ты не пытайся выжить, – без тени насмешки, серьезно посоветовал Керкан. – Многое изменилось. Не только в тебе или во мне.

Перепрограммированные наноиды – рапатоны, действовали вместе с человеком.

Людей становилось все меньше и это следовало исправлять. Увеличить численность солдат было проще всего с помощью машин.

Людей в ноноксе не хватало, поэтому мы были рады рекотионам. Этим бойцов выбирали не для обучения взаимодействию с наноидами, а скорее для усиления функций охраны. Главное, чтобы наноиды наладили отношения и притерлись к рекотионам. В ближайшем будущем через это придется пройти многим людям.

– Справятся. Я уже говорил – наноиды хорошие воины. Мы приняли наноидов в общину, и они относятся к этому серьезнее, чем люди. К тому же, рекотион в состоянии точно исполнить приказ и проконтролировать его реализацию остальными наноидами,

– Амант, ты как, просто туповат или действительно так сильно ударился головой? – Керкан посмотрел на меня как на некое редкостное недоразумение. – Рекотион – это обезображенные генетическими мутациями инвалид, которому даже сам процесс жизни дается с трудом. Девяносто девять процентов рекотионов постоянно испытывают различные боли, причем у половины эти самые боли довольно острые. Ты знаешь, какой товар у них самый ходовой? Наркотики.

– Что с того? – удивленно переспросил я и сразу же ответил: – Ничего. Совсем ничего. Только люди с отвращением смотрят на наноидов.

В комнату вошло несколько рапатонов. Я не звал их, но угасающее сознание уже не контролировало импланты – видимо, чип наноструктуры, интерпретируя активность мозга, транслировал в сеть сигналы.

– Отсканируй конфигурацию его имплантов, – сказал один из них.

Неприятное ощущение щекошливого покалывания, пробежавшее по местам соединения имплантов с нервной системой.

Человечество – это колыбель всех рас, ствол, на котором выросли побеги и ответвления остальных народов.

Я чувствовал, что уже сейчас с памятью не все в порядке. Я помнил, как меня доставили сюда. Я помнил, что сразу же после возвращения одели на голову каное-то устройство. И подключили его к трем разъемам.

Я вслушивается в темноту, и сон окончательно пропал. Что-то не так. Что-то не так, как всегда...

Глава 3

В бункерах врезанного в скалы нонокса царил тишина. Система укреплений, протянувшаяся вдоль внешнего периметра «Нонокса 357», по убеждению многих, являлась данью прошлому, когда прорыв машин рассматривался как реальная угроза.

Накопленный с годами опыт утверждал обратное, но рубеж по-прежнему оставался действующим, с той разницей, что теперь сюда отправляли в десятки раз меньше людей, и техники, отказавшись от сплошной оборонительной линии, располагали наблюдательные посты с интервалом в километр, а пространство между ними минировали и оснащали датчиками.

Работа под землей не прекращалась ни на минуту.

Я взглянул на силуэты грузовых башен, выступавших над шатким монорельсом на структуре грязных строений. В этом районе подземных сооружений строились новые объекты, назначения которых я не знал. На них толпились транспортные рапатоны, бледные рекотионы в зеленой одежде, руководящие сложными и запутанными операциями. «Теперь они спокойны, заняты работой», – подумал я. Человек может привыкнуть ко всему.

В одном из ноноксов вместо людей хотели использовать под землей новейшие технические разработки машин. За короткий срок армейские боевые наноиды подверглись модификациям, превратившись в гражданских наноидов. Но человек просчитался. Машины сумели перехватить контроль над созданными аппаратами. Теперь наноиду мог довериться только глупец.

Раньше казалось, что вряд ли кто-то еще уцелел в войне, которая произошла на планете между машинами и людьми. Но теперь я думал по-другому? Если выжили мы в «Ноноксе 357», то и у других людей тоже были шансы на спасение. Пусть минимальные, совсем ничтожные, но были. Но проявлять интерес к далеким районам, где могли уцелеть люди было глупо по той причине, что добраться до них через заполненную наноидами местность нереально.

После принятия новой партии имплантов для рекотионов, в которой оказалось много брака, я разговорился с нанотехниками Маду и Кионом, которые мне помогали. И опять мы спорили о Нонано, которого все считали центральной фигурой в иерархии машин.

– Мы уже трижды блокировали Нонано, – сказал Маду, – И каждый раз ему удавалось ускользнуть. Существуют несколько специалистов, с которыми он работает. Их тоже взять не удастся. Таким образом, Нонано сохраняет ядро группы и вновь разворачивает деятельность в другом месте. Получить новое оборудование и человеческий материал для него не проблема.

Кион насупился. Затем усмехнулся. Он считал себя более ценным специалистом, чем Маду и рассчитывал на более высокий уровень доступа к новейшим разработкам машин.

– Вероятно, вы предлагаете решить, что важнее – сохранить жизни оставшихся людей или уничтожить Нонано с его ближайшими сподвижниками? – спросил Кион у Маду с сарказмом.

– Наноид, – сказал я, – обоюдоострое оружие. – Они могут быть более опасными для их хозяев, чем для врагов.

– Я не думаю, – возразил Кион.

– Знаю, знаю. – Маду поднял правую руку. – Я слышал все аргументы. У наноидов хватает программных ограничителей для того, чтобы они никогда не повернули против своих хозяев. Но я всегда считал, что чем причудливее защита, тем скорее она перестает работать.

– Да, было бы неплохо, если бы это произошло. – кивнул Кион. И не поймешь, всерьез он это или снова насмежается. – Думаешь, ты первый это придумал? Да только все дело в том, что с нашей обычной, человеческой логикой механизм организации Нонано понять невозможно. Они создают наноидов, которых не может распознать человек.

– Наноида создали не машины, а люди.

– Да? Почему же они тогда за пределами Робобото ничего похожего создать не могут?

– Потому, что здесь кто-то ограничивает программные возможности людей.

– Кто?

– Не знаю.

– А я знаю – это делает Нонано! Робобото – это не просто территория. Робобото – это новый мир. Нонано изучает нас так же, как мы пытаемся изучать его разработки имплантов или новые модели наноидов. Говорят, что когда-то это был человек. Но в процессе нанозволюции он стал машиной. Мы ничего не сможем сделать, пока не расшифруем программный код, который он генерирует.

– Нонано можно опознать на записи мыслеобразов, сгенерированных в сеть расширителем сознания человека. Думаю, ошибка исключена. Нонано не менял внешность, а запись мыслеобразов невозможно подделать или скорректировать. Мы получаем данные непосредственно из нано-структурной сети при помощи станций, работающих на базе нанокомпьютеров. Они контролируют наносвязь, собирают отдельные факты, на их основе строят прогнозы событий. Нередко нанокомпьютеры перехватывают обрывочные мысли людей, транслируемые в сеть имплантами.

– Ну... – Кион наачерил голову к плечу, потирая костяшками пальцев подбородок. – Есть метод наслоения воспоминаний. Простым языком программируют носителя через чип, вставляют ему в голову исходный код, и в определенный момент, когда носитель идентифицирует его, архив распаковывается.

– У кода есть форма? Как его программируют? – спросил я.

– Можно через визуализацию, можно речевой командой активировать отдельные участки памяти. Когда носитель реагирует на ключевое слово или фразу. А в первом случае может быть любая картинка, воспоминание, что-нибудь еще.

Я подумал, что со мной такое сможет сделать фото Анны. Теперь мы не вместе. А я не могу вспомнить, почему это произошло. В моих воспоминаниях не осталось никого, кто знал бы нас вдвоем. Что-то произошло с имплантом, который контролировал память.

– Почему мы здесь этим не занимаемся, а только пытаемся укрепить защитные стены, которые бесполезны против машин? Почему мы не атакуем? – спросил я.

– Ну, тогда тебе в «Нонокс 913» надо. Они же за возрождение природы, против наноидов постоянно сражаются!

– Сказки это, – грубо осадил Маду Кион. – Красивая обертка идеологии. Они хотят из людей полунаноидов сделать. Типа – человек будущего, рекотион. Только это тоже вранье. Их лидер хочет завоевать Робобото. Мечтает получить контроль над машинами. Никто не делает

ставку на человека. Самые практичные уже вычеркнули человека из цепочки эволюции. И опыты их направлены на создание полумашин-полулюдей. Наноиды с человеческими возможностями – вот кого они в лабораториях создают. Только так можно оказывать сопротивление машинам. В «Ноноксе 817» ищут способ соединить живую и неживую природу.

– Зачем?

– Чтобы вернуть миру гармонию.

– Значит, им известен механизм процесса. Осталось только поймать ту муху, что плодит наноидов.

Я посмотрел на человека недоверчиво:

– Ты это серьезно?

– Ну, если исключить возможность самозарождения. Какие еще варианты остаются?

– Наноидов оживляют наноиды, созданные человеком.

– А что, если в этом и заключался смысл существования человечества?

– В чем?

– Быть материалом для новых технологий.

– Ты вспомни, что в начале дело шло к тому, что применение наноидов на Земле запретят. Но конструкторы пытались предотвратить это и заложили в машины прочный, надежный инстинкт раба.

– Но это не помогло, – заметил Маду.

– Нет, конечно, но они старались. Наноиды решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса их останавливала, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок. Человек начал совершать ошибку за ошибкой. Остальное завершил наш страх.

– Но откуда страх перед наноидом?

– Это болезнь человечества. Одна из тех, от которых пока не найдено лекарства. Наноидов контролирует свободный программный код. В этом вся проблема.

– Чего я не понимаю, – сказал Керкан, – так это того, как вы определяете, какая машина борется против вас, а кто остается с вами.

– В этом, – попробовал объяснить Маду, – и есть проблема. Мы этого не знаем, Если бы узнали, то могли бы быстро закончить нашу войну. Тот наноид, который воевал против нас вчера, может чистить нам ботинки, и нельзя сказать, чем он займется завтра. Выход только один – нельзя доверять никому из них.

– Не могу этого отрицать. И тем не менее наноиды сконструированы так, чтобы максимально эффективно использовать свои возможности. Мы боимся, как бы наноиды не стали слишком похожими на людей.

– Тебя пугают возможные поступки таких наноидов? Или их отказ повиноваться?

– Мне не хочется, чтобы наноиды задавали подобные вопросы. А от наших наноидов я их слышал уже не один раз.

– Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Кион прищелкнул языком:

– Все тайны!

– Нет, просто правила и инструкции.

– Что вы собираетесь со всем этим делать? – спросил Кион.

– С чем «этим»?

– Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями.

– Не знаю.

Обдуманная манипуляция. Извращение. Патология. Я сидел и думал.

Хуже становилось в конце осени – начале зимы, когда из всех уцелевших ноноксов, в которых заканчивалась еда начинали уходить люди. Худшего варианта человека – не сдерживаемого ни прошлым, ни будущим, ни религией, ни моралью не было.

Любые живые существа нуждаются в питании, а где его взять, если непрерывно сидеть на одном месте? Вокруг ноноксов охотиться уже давно было не на кого, всех животных съели. Шансов взять Робобото – один из центров, которые контролировали действия наноидов, после понесенных потерь, было немного. Требовалось создать новые силы, найти союзников среди группировок рекотионов, В идеале – придумать новый способ восстановления контроля над восставшими машинами. Атаки машинных центров в лоб приводили лишь к новым жертвам среди людей.

Большинство людей боится перемен. Известно, что органические существа, называющие себя людьми, собираются вместе с самыми разными целями, включая прием пищи, отдых, обмен новостями. Но теперь людей объединяло только одно – страх перед машинами. Прятаться от наноидов – стало искусством человека. Но я уверен, что прятаться от самого себя – глупость.

Животные очень напоминают механизмы: они действуют, подчиняясь инстинктам и привычкам. Мы, люди, тоже очень похожи на механизмы, хотя и наделены рассудком.

Ведь мы ничто иное, как механизмы, лишь в ничтожной степени наделенные свободой воли. Наше тело – всего лишь сложная машина, мало чем отличающаяся от примитивного наноида. В основе всего, что мы делаем, лежит одно, важнейшее условие – контроль. Большинство разумных существ автоматически корректирует то, что они видят, дополняет увиденное деталями, которых никогда не существовало. Они подгоняют события под рамки своего понимания.

Некогда на Земле существовала развитая цивилизация людей. Ничего действующего от нее не сохранилось. Машины и технологии были уничтожены, вероятно, в течение нескольких месяцев. Из отрывочных упоминаний мы можем представить себе ситуацию, но у нас не хватает информации, чтобы узнать технологию в полном объеме и определить ее влияние на цивилизацию и культуру.

Полнота уничтожения и очевидная методичность его свидетельствуют о крайней ярости и фанатизме тех, кто занимался уничтожением.

Можно представить хаос, воцарившийся после того, как был уничтожен образ жизни, который человечество придерживалось в течение столетий. Миллионы людей погибли насильственной смертью во время большой войны, и миллионы исчезли от последствий разрушения цивилизации. Все, на что опиралось человечество, лишилось корней. Коммуникации были нарушены так основательно, что в одном городе вряд ли знали, что происходит в другом. Сложная система распределения остановилась, и начался голод. Все энергосистемы были уничтожены, и мир погрузился во тьму. Мы можем лишь догадываться о том, что тогда происходило, потому что никаких записей не сохранилось.

Когда ситуация стабилизировалась – если можно представить себе хоть какую-то стабилизацию после катастрофы, мы можем лишь гадать, что увидел бы тогда наблюдатель. У нас слишком мало фактов. Мы видим лишь общую картину.

Многие живущие вне наших стен, возможно, ненавидят нас, другие презирают, как трусов, укрывающихся за стенами, но я уверен, что есть и такие, для которых нонокс превратился в чудо.

Глава 4

Мы с Анной сидели в полутемной комнате, в которой был потушен верхний свет, и горела лишь настольная лампа на рабочем столе.

До ушей донесся далекий звук резко захлопнутой стальной двери.

Я наблюдал, чтобы не упустить малейшей перемены в выражении лица Анны, после того как мы заговорили. Чуть нахмуренные брови, напряженные губы, растерянность, смущение или, возможно, недовольство. Однако Анна, прикусив нижнюю губу, игриво улыбалась.

Она сидела на моей постели, подперев голову рукой и вытянув скрещенные ноги. И хотя часть меня осознавала, что это сон, другая часть, более сильная, не хотела соглашаться с этим. Мне хотелось верить, что она действительно здесь, в нескольких сантиметрах от меня, одетая в короткое, облегающее платье, подчеркивающее ее формы.

На губах женщины опять появилась едва заметная улыбка. И сразу же она опустила глаза и привела меня в уныние.

– Прости, – сказал я, с трудом шевеля губами. – Я, не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, что это?

Анна кивнула.

– Я тебя всегда понимал с трудом, – продолжал я, все еще на что-то надеясь.

Я подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим. Молчание заполнило комнату. Я не знал, что делать дальше. Я пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему?

Она вдруг оттолкнула меня, и я проснулся так внезапно, что у меня перехватило дыхание.

Каждый из нас в одиночку, не делясь с другими, наслаждался своими воспоминаниями, извлекая из них удовлетворение, в котором люди не признавались даже себе.

Наноиды были сложными комплексными машинами. Фактически они представляли собой переплетение проводов, кабелей, электросхем, гидравлических систем, нано-узлов, имитирующих мышечные движения живого организма – все это множество было заключено в оболочку, покрытую сверху несколькими слоями нанотехнической пленки. Обращаться с этими машинами было совсем не просто. От них можно было ожидать каких угодно неприятностей и поломок. Большую часть времени за последние три дня я провел, разбираясь во внутреннем устройстве привезенных на базу новых моделей машин, которых удалось захватить в ходе боевых рейдов.

Погрузившись в переплетение проводов и перемазавшись наносилом, служившим в качестве сухой смазки внутренностей наноида, я старательно изучал механические системы, диагностику, учился устранять поломки.

Наношлем обеспечивал работу промежуточного звена, с помощью которого происходило тесное общение «человек – машина». Именно на внутренний экран шлема выводились данные, свидетельствующие о состоянии наноида.

Элементы наноида могли вживляться в человека в качестве импланта. С каждой новой моделью наноида таких вариантов становилось все больше. Механизмы, созданные машинами оказывались совершеннее созданных природой.

Внешний вид поступивших механизмов, – этих существ уже не получалось называть людьми, хотя они ими и были в прошлом – говорил о новом уровне технологий – ни с чем подобным я не сталкивался.

Наноиды удалили часть оболочки мозга человека, и выяснилось, что черные импланты снаружи головы заходили глубоко в череп через уши, ноздри и глазницы. Дальнейшее вскрытие показало, что импланты делились, разветвлялись, превращались в микроскопические нити. Проникали глубоко в мозг, соединяясь с сетью имплантатов. Цивилизация машин была озабочена лишь тем, чтобы выслеживать, проникать и, а затем вторгаться в мозг человека. Серебристое плетение имплантированной в мозг сети, структурно идентичной нейронной сети мозга, мерцало, отображая интенсивный обмен сигналами. Импульсы шли от искусственных нейронов к нейронам, созданных природой.

Я пытался сконцентрироваться на архаической, доставшейся людям от далеких предков области мозга. Внутреннее ухо ощущало постоянное давление слухового импланта – а глаза воспринимали кружащийся мир через видеоимплант. Архаичная нервная система человека могла разрешить несоответствие общего восприятия только одним вариантом образом, который возникал в голове.

Можно было стереть архаичную связь, переписать базовую структуру – но это оказалось труднее, чем казалось. Предсказать все изменения не получится. Но при временном отключении имплантов побочными эффектами можно было пренебречь. Я проделывал подобное тысячи раз, побочные эффекты возникали крайне редко.

Разумеется, я не собирался отказываться от имплантатов. Но это будут совсем иные устройства – непохожие на те, которые вживил мне Кион, а затем любезно удалил Маду.

Под поверхностью лежали слои памяти, наноструктуры. Все было открыто для изучения. Чтобы уцелеть в новом мире, нужно использовать только передовые технологии машин.

Мне приходилось постоянно заходить в мастерскую на нижние этажи нонокса. Там велась торговля механизмами, которые не прошли контроль безопасности. Каждый из них мог содержать вирусный код, который был способен взломать код защитного поля нонокса.

Список того, в чем я нуждался, был бесконечным: портативные генераторы, инструменты, начиная от лазерных фрез и до нано-ключей, переносные и настольные нано-сканеры и доступ в файлы военных данных, наноструктуры и портативные коммуникационные единицы.

Никто не мог предположить, когда человеку удастся научиться контролировать коды наномашин. Без этих кодов люди никогда не смогут приблизиться к пониманию того, что представляют собой наноиды – следующее звено в эволюционной цепочке человека.

Бессмысленно уходило время в ожидании необходимых устройств. Но надо было ждать. Впрочем, разве не бессмысленна была вся жизнь маленькой человеческой колонии? Сохранить себя и продолжить себя же в потомстве – главнейшая и, по сути, единственная цель, которая была у человека в прошлом. Люди в ноноксе пытались жить. Но через два–три поколения придется вести генетические карты и следить, чтобы не было вырождения, подбирать пары по генетической целесообразности. Но теперь мир человека соседствовал с миром машин. Человечество никогда снова не будет привязано только к одному миру...

Люди вокруг были серьезны. Теперь выражение страха никогда не сходило с их лиц. Большинство людей старались держаться от наноидов подальше, опасаясь, что машины залезут к ним в мысли? Людям следовало быть осторожнее...

Ни для кого никогда не было секретом, что имплантаты меняли человека. Причем не только в физическом, но и в психическом плане. Немотивированные вспышки гнева становились нормой жизни. И жизнь человека продолжала меняться.

Целые страницы истории планеты, записанные в цифровом виде, были стерты или погублены эпидемиями, искусственно запущенными машинами. В таких случаях оставалось рассчитывать лишь на человеческую память – но это не самое надежное хранилище информации. Времена менялись, а люди пытались остаться прежними.

По своей природе наноиды являлись техническими устройствами, но их сущность находилась за пределами человеческого понимания.

Правила жизни в подземных базах ничем не отличались от законов выживания в Робобото – городе наноидов или в других ноноксах. Везде выживал сильнейший и хитрейший. Естественный отбор в самом примитивном своем виде. Более сильный всегда съедает слабого.

В подземном мире, в отличие от жизни наверху, выигрывал человек. Он все еще лидировал в гонке, где главным призом была его жизнь. Конкуренцию в этом забеге ему составлял только наноид...

После обслуживания партии наноидов я совершал еженедельную вылазку за питьевой водой. Рядом с базой протекал ручей, но я боялся, что он был загрязнен химикатами или нечи-

стотами или выше по течению лежат трупы. А еще он мог быть отравлен. Лишить человека питьевой воды – отличный способ быстро от него избавиться.

Качество воды я проверял с помощью наноида, который погружал в воду тестер, заменивший ему одну из конечностей. Я смотрел, как наноид натужно скрипит, силясь удержать равновесие, нащупать точку опоры среди камней. Они же наноиды – а это значит, что они мыслящие существа.

Наноиды механически совершеннее нас, они обладают невероятно сильным интеллектом, но у них нет души. Нет ничего, кроме искусственных мыслей и воспоминаний. Импланты создавали виртуальный мир, существующий в воображении машины. Но для удобства работы с машинами, все импланты наноидов в нонксе обычно отключались

Если не заикливаться на мелочах, воображение машин вскоре переставало раздражать. Иногда интересно пообщаться с новой моделью наноида. Человек слаб и не всегда следует доводам разума, слишком часто азарт пересиливает строгую логику.

Мне пришлось укрыться от дождя и ждать. Лучше не поливать импланты водой лишний раз. Кто знает на сколько хорошо их герметизировал случайный нанотехник.

Наноиды обладали голосовыми системами и были способны общаться с людьми, но все же не могли считаться разумными. Выпив воды, я сосредоточился на глубоком дыхании.

Вернувшись в нонкс я огляделся в новом убежище, которое должно было стать моим домом. Оно было не так велико, как предыдущее, но свет не достигал дальней стены, а высокий потолок тоже скрывался в темноте. Ровными рядами стояли длинные машины, причем одинаковых среди них не было. Ни огонька, никакого другого признака, что машины действовали. Голова прояснилась, но я знал, что еще не могу действовать, даже если почувствую, что уже пора. Мы все ждем команду.

– Ну, хорошо, – хрипло произнес я. – Что дальше?

Сначала не было ничего, кроме ровной серости, как на мониторе, настроенном на пустой канал. Затем пришли первые образы, похожие на отдельные фрагменты с бегущей пленки.

Все перемены, какие раньше пережило человечество, совершались веками. Однако сейчас изменялось не тело, но душа. По меркам эволюции перемена будет мгновенной, как взрыв. Она уже началась. Придется понять и примириться с этим: мы – последнее поколение человека разумного.

Возврата нет, и у того мира, который нам знаком, нет будущего. Со всеми надеждами и мечтами людей Земли покончено. Мы породили своих преемников, и трагедия ваша в том, что нам их не понять, их разум навсегда останется закрыт для нас.

Сейчас я должен рассчитывать не на надежды, а на собственные силы. Я думал и думал. Я улавливал не слова, не отчетливые мысли, а только ощущение страха. И эта эмоция временами была такой острой, что было ясно: тот, кто излучал ее, был в опасности.

Я прислушался. Снаружи не доносилось никаких звуков. Я пробудился. Ушел от кошмара, вернулся в мир реальности. Насколько я понимал, предложенная машинами биоинженерная программа предусматривала создания новых существ. Возникали новые мысли, которые казались мне очень важными.

Мог ли разум выступать от имени человека? Или разум был чем-то отдельным от тела, самостоятельным элементом? Какую часть человека составляет разум, а какую – тело?

Необходимо было что-то сделать, предпринять действие, но какое? Я решил, что еще не пришло для действия подходящее время.

Я лежал расслабившись, наслаждаясь покоем и тишиной, и думал, что так, возможно, лучше. Теперь я обращал внимание на новые факты. Эволюция двуногих продолжалась.

Включил настольную лампу, чтобы убедиться. Проверил бледно-голубые стены. Вокруг было чисто и опрятно. Сердце медленно успокоилось, паника ушла.

Неожиданно моя рука начала дрожать, и я напрягся. Необходимо было восстановить контроль имплантов.

Я бы улыбнулся, если бы мог, не сомневался в этом. Но анатомически, как и все люди, я выглядел грустным.

У меня белая кожа. Светло-каштановые волосы. Голубые глаза. Я высок ростом – 180 см. В одежде немного консервативен. У меня были очки для чтения, хотя я надевал их больше из притворства, чем необходимости. Не верю Бога. Мое имя – Амант.

Я внес поправки в снабжение тела жидкостью, изменил структуру кожи и убавил дыхательный ритм; одновременно сузил зрачки, чтобы приспособить глаза к яркому свету, не снижая остроты зрения.

Странно, но возникло ощущение того, что нонокс пытается ускользнуть от моего взгляда. Мне не удавалось рассмотреть что-либо дольше секунды. Взгляд скользил, как луч света по поверхности зеркала. И если бы в этот момент меня попросили описать что происходит вокруг, я бы не смог это сделать. Все в окружающих меня людях и предметах было чуждым и мрачным и излучало необъяснимую, но отчетливо ощутимую угрозу.

Цивилизация машин была ослеплена ненавистью к жизни до такой степени, что ждала только удобный случай покончить с нами. Люди вокруг старались выжить любыми способами. Количество имплантов в человеке уже давно превышало все допустимые нормы. Быть наноидом – это мечта человека. Остаться человеком, избавившись от всего неудобного человеческого. Я старался найти в человеческом языке подходящее определение. Человеку требовалось значительно больше данных, чем любому наноиду.

Наноиды, представляли собой коллективный ум. Несмотря на то, что у наноида отсутствовали воспоминания, он мог в одиночку справиться с поставленной задачей и как индивидуум обладает интеллектом. Наноиды, как отдельные существа, были не более, чем живые машины. Чтобы строить планы и действовать, они нуждались друг в друге. Кроме того, наноиды были разбросаны по всей территории и машины было держать их под постоянным контролем.

Вместе с очевидными преимуществами в строении тела наноида имелись и недостатки. Их очень быстрый ум мог находить свое выражение только через примитивную нервную систему наноида, которая не всегда могла понять и просчитать поступки и мотивы действий людей. Если бы все происходило по-другому, человек бы уже давно был уничтожен.

Сообщество наноидов соединялись в единое целое, в котором отдельные существа уже не являются индивидуумами. Любое воспоминание имелось в сознании каждого наноида, а в одном из них оно сохраняется на протяжении нескольких лет. В машинах еще оставалось то, что было заложено в механизмы человеком. Человеческое еще оставалось в наноидах, память еще держалась в программных кодах, которые были созданы человеком. Машины еще чувствовали по временам свои старые личности.

Наноиды – это машины. Пусть они осознавали себя и являлись личностями, но они оставались машинами. При подведении итогов потерь в боевых столкновениях наноиды отождествлялись с потерями техники.

Глава 5

Было жарко, даже душновато. В щели не задувало – кондиционеры отключали на ночь. Горели три газовые лампы. Мы сидели на ящиках вдоль стен.

Рапатонов звали Оматон, Ботга и Аминк. Они были машинами, воевавшими рядом с людьми. Наноиды, которых удалось перепрограммировать. Я наблюдал за ними, пока они готовились к рейду. Оружейная камера, в которой происходило снаряжение машин выглядела

оживленной – заполненная методично движущимися безмозглыми новви, облачающих наноидов в защитную броню.

Я слышал гул вращающихся волокон псевдомускулов. Каждая роль жизненно важна. Каждая обязанность почетна.

Лицо Оматона было разбито, а тело изрезано – теперь он наполовину состоял из новых имплантов – последствия неизлечимых ран – но он остался непокорным и даже неутомимым. Выстрел, изуродовавший ему лицо, предназначался мне. Я вспоминал про это каждый раз, когда его видел. Его синие глаза были сужены – он тестировал шелкающие мерцающие оптические импланты.

– Наноиды мыслят не как люди, – заговорил Ботта. – Наноиды приходят не ради мести, не ради того, чтобы заставить нас истечь кровью за свои поражения. Они пришли, чтобы уничтожить нас.

– Нонокс не устоит, – сказал Оматон. – Мы должны покинуть его и рассредоточиться по другим укреплениям. Это не Вторая война.

Аминк злобно заговорил:

– Поверхность этого мира будет пылать, пока от величайших достижений человечества не останется ничего, кроме пепла.

– Я никогда прежде не слышал, чтобы ты предрекал поражение, брат, – сказал я.

– Мне еще будут люди рот затыкать, – проворчал Аминк.

Наши нанотехники постарались и вложили в наноидов правильные мысли. Сомнений не должно остаться ни у кого.

В боевых группах был высокий уровень потерь, поэтому их комплектовали изделиями, о которых можно было не жалеть. Расходным материалом.

На посадочных площадках военные транспорты выдвигались в колонны, направляясь в лагерь, разбитые вокруг «Нонокса 357». Краска на их бортах уже сошла, обнажив тусклый металл.

Важные мысли возникали в моей голове. Снабжение продовольствием «Нонокса 357». Насколько его хватит, когда поставки извне станут невозможны. Где эти припасы хранить? Возникла необходимость планирования сокращенного рациона с предлагающимися списками предполагаемых потерь от истощения.

Центры очистки воды. Сколько из них должны функционировать, чтобы обеспечить потребности людей? Подземные хранилища и текущие запасы воды были близки к истощению.

Возникали новые виды болезней. Их симптомы пугали тех, кто сталкивался с ними впервые. Тяжесть течения и скорость распространения искусственных вирусов внутри живых организмов не оставляли шансов уцелеть выжившим. Сложно было предположить, к чему приведут поиски машин в их стремлении избавиться от соперников по планете. Невозможность определить механизм распространения нановирусов пугал тех, кому пока повело. Сочетаемость человеческих экземпляров с имплантами все еще оставалась очень низкой. Многие люди пережив ломку прежних стереотипов, осознав, куда на самом деле попали, начинали жить одним днем.

Я устал. А ведь сегодня даже не сражался. Мое дыхание было тяжелым. Воздух, переработанный и отфильтрованный, проходил сквозь маску респиратора, закрывающую нос и рот.

Я был хорошим солдатом: выполнял приказы, защищал людей от машин и никогда не задавал лишних вопросов. Но я командовал, и команды – выполнялись, если верить сообщениям новви. Я начинал замечать, что у машин оказывалось больше причин выполнять приказы, чем у меня – отдавать. Отдавать приказы машинам становилось труднее. Чтобы принять решение – любое решение, – требовалось все больше усилий. Я утратил ощущение безопасности, постоянства. Не мог надеяться на самого себя. Становилось все сложнее просто прожить день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.